

Лютецкий Александр Александрович

**К вопросу о реформе средней
школы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Л.**
К вопросу о реформе средней школы / Лютецкий Александр Александрович –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 95 с.

ISBN 978-5-519-94490-8

ISBN 978-5-519-94490-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ АВТОРА..

Два лица стоятъ передо мной; я счастливъ, что могу выразить свою глубокую душевную признательность за ту невидимую внутреннюю помощь, которую они оказали мнѣ въ жизни.

Знакомство мое съ Николаемъ Николаевичемъ Неплюевымъ и съ Трудовымъ Братствомъ, учрежденнымъ имъ въ Черниговской губерніи, сдѣлало рѣшительный переломъ въ моей духовной жизни; это былъ тотъ моментъ, когда душа была готова со всей силой своей отозваться на великую проповѣдь любви, которая такъ ясно зазвучала для меня въ жизни и дѣятельности Н. Н. Неплюева. Я почувствовалъ вдругъ живую струю въ мертвящемъ холодѣ нашей жизни, почувствовалъ, что именно ея нужно мнѣ держаться, чтобы не застыть и не очерствѣть душой. Но дальше самъ собою рождался вопросъ, какъ въ свою жизнь провести эти свѣтлыя идеи, какъ свою жизнь пронизать дѣятельной братской любовью. И въ самомъ дѣлѣ, какъ избѣжать сухости, черствости, казенщины, что почти неминуемо встрѣчается во всякомъ ходѣ дѣятельности. Я предназначалъ себя къ педагогической карьерѣ, но признаюсь, чѣмъ ближе наступало время начинать ее, тѣмъ страшнѣе становилось мнѣ. Я чувствовалъ, что вся энергія падаетъ во мнѣ, лишь только я мысленно ставлю себя въ ряды нашихъ учителей-мучениковъ, а часто и мучителей. У меня не было силъ даже представить, чѣмъ бы могъ я оживить этотъ казенный трудъ; тысячи условій

мертвили то, что должно быть самымъ живымъ, самымъ близкимъ къ душѣ живого человѣка — дѣло воспитанія новаго поколѣнія. Въ современныхъ же условіяхъ школа совершенно отдѣляетъ воспитаніе отъ образованія, считая своимъ дѣломъ лишь сообщать знанія. Для меня же главное было не то, *что* дается дѣтямъ, а *какъ* дается; вотъ это «какъ» совершенно незамѣтно въ нашемъ среднемъ образованіи, а это главное, это и создаетъ человѣка. Это далеко не вполнѣ зависитъ отъ личности преподавателя, какъ часто думаютъ; я вполнѣ увѣренъ, что есть много честныхъ, любящихъ свое дѣло, педагоговъ, которые не могутъ, стѣсненные массой условій, дѣлать успѣшно свое дѣло. И вотъ мнѣ приходилось, въ лучшемъ случаѣ, стать въ ряды этихъ лицъ, непрерывно мучающихся печальными результатами своего гигантскаго труда.

Въ это именно время пришлось мнѣ познакомиться съ произведеніями Василія Васильевича Розанова, автора статей, собранныхъ подъ заглавіями: «Сумерки просвѣщенія», «Религія и культура» и др. Всѣ статьи эти я читалъ съ истиннымъ наслажденіемъ, потому что каждая страница была содержательна, оригинальна, и по формѣ и по идеѣ, будила мысли, вокругъ и около которыхъ я самъ уже не разъ бродилъ.

Не зная лично В. В. Розанова, я радъ теперь отъ души сказать ему спасибо за его *„свѣтлыя“* книжки; онѣ мнѣ много дали. Этими словами я лишь слабо могу выразить «ту таинственную связь между авторомъ и читателями, хотя онъ ихъ не видитъ и не слышитъ».

Теперь В. В. Розановъ слышитъ одного изъ нихъ.

30 мая 1899 г.

А. Лютецкій.

САМОБЫТНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

I.

Положеніе вопроса о средней школѣ.

Всякое христіанское государство въ школахъ своихъ стремится создать христіанина и гражданина. Достигаютъ ли наши школы этого? Странно даже предложить на испытаніяхъ зрѣлости воспитаннику такой вопросъ: любить ли онъ сознательно вѣру Христову и свою родину? Онъ не можетъ искренно отвѣтить на это — *онъ объ этомъ не думалъ*. Всѣ 8 лѣтъ школьная жизнь даже не наводила его на эти вопросы, т.-е. именно на то, что должно было бы быть самой основой всего этого 8-лѣтняго труда. Не надо думать, что нужно, не переставая, говорить мальчику высокія фразы о христіанской любви, о величіи Россіи; умный педагогъ, самъ искренно чувствующій это, всегда найдетъ возможность подготовить эти выводы въ развивающихся умахъ и путемъ сопоставленія историческихъ событій, и знакомствомъ съ оригинальными памятниками культуры, а главное — внимательнымъ отношеніемъ къ самой повседневной жизни. Нельзя отрицать глубокаго истинно культурно-воспитательнаго значенія, которое имѣла въ свое время исторія Карамзина

на многихъ русскихъ людей. А мы теперь, имѣя въ продолженіе 5 лѣтъ въ рукахъ книжки г. Иловайскаго, на всю жизнь получаемъ почти отвращеніе ко всему, что носитъ названіе исторіи. Это фактъ и фактъ грустный. Мы скажутъ, что исторіи г. Иловайскаго — лишь учебники, конспектъ, служащій пособіемъ къ устному преподаванію учителя. Но кто же не знаетъ, что *вездѣ*, рѣшительно можно сказать — *вездѣ*, только ими ограничивается курсъ исторіи; устное преподаваніе и освѣщеніе историческихъ событій — чистая фикція, всѣми ясно сознаваемая. И вовсе преподаватели не повинны въ этомъ по причинамъ, которыя будутъ объяснены ниже.

Внедреніе истиннхъ христіанскихъ въ школы происходитъ двумя способами: 1) путемъ уроковъ такъ называемаго Закона Божія и 2) посвщеніемъ церковныхъ службъ. Я сказалъ: „такъ называемаго“, потому что то, что преподается въ классѣ подъ именемъ Закона Божія, кромѣ исторической части своей, представляетъ лишь сухую, безжизненную догматику; но почему все это должно быть *закономъ* Божіимъ, этого вамъ не объяснить ни одинъ ученикъ. Истинное же слово Божіе никогда почти не доходитъ до сознанія учащихся, заслоненное этою теоретизаціей и словами учебниковъ, подобно какъ и истинная исторія сводится на нѣтъ глanceвыми сказаніями г. Иловайскаго. Вполнѣ понятно, что люди, вступая въ жизнь, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о существованіи книги Іова, книгъ Соломона, пророковъ, не знаютъ, чтѣ именно содержится въ посланіяхъ апостольскихъ. Относительно же кощунственнаго посвщенія богослуженій подъ надзоромъ начальства мы нечего прибавить; объ этомъ столько уже писалось

и говорилось. Бывали факты, когда за плохой отвѣтъ на экзаменѣ ученика заставляли посѣщать богослуженіе нѣсколько дней подѣ рядѣ въ видѣ наказанія.

Вообще можно смѣло сказать, что теперь изъ нашихъ школъ выходятъ плохіе христіане и плохіе граждане. Доказательство налицо: современное наше общество, въ большей и худшей части своей, не идетъ ли противъ Христа и противъ государства? И это уже воспитанники новой школы. Явленіе естественное повсюду — любовь къ родинѣ — у насъ шовинизмъ, предразсудокъ, отсталость понятій и т. д., словомъ, позоръ для просвѣщеннаго человѣка. Попробуйте-ка передъ нѣмцемъ дурно отозваться о Германіи или объ императорѣ, или среди французовъ — о республикѣ: каждый по своему, но заставитъ васъ замолчать, а наши русскіе люди все потерпятъ, да еще и своего прибавятъ по мѣрѣ силъ на униженіе родной страны. Вѣдь во всякомъ случаѣ уваженія къ своей національности должно ожидать отъ всякаго истиннаго гражданина, иначе онъ ненадежный слуга государству. А землѣ родной и тѣмъ, кто любить ее, въ тысячу разъ дороже тотъ, кто воскликнулъ отъ чистаго сердца:

Въ Россію можно только вѣрить!

чѣмъ современные марксисты, вполне убѣжденные, что не они для государства, а государство — для нихъ, чтобы платить жалованье и выдавать пенсіи за ихъ точно отмѣренный и оцѣненный трудъ.

Всѣ эти грустные явленія, равно какъ и многія другія, давно уже замѣчены въ нашемъ обществѣ, и въ связи съ этимъ поднять вопросъ о реорганизаціи средней школы.

Реформа образованія — одна изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ отвѣтственныхъ въ жизни государства; къ ней надо подходить осторожно, безъ рѣзкихъ переломовъ, которые могутъ гибельно отозваться на дальнѣйшей судьбѣ общества. Здѣсь необходимо произвести рядъ опытовъ, рядъ временныхъ мѣръ, чтобы убѣдиться въ цѣлесообразности проводимыхъ измѣненій; на все это требуется время и время. Теперь, какъ извѣстно, министерствомъ обсуждается рядъ измѣненій въ программахъ, въ относительномъ положеніи предметовъ, предполагается уравниеніе программъ низшихъ классовъ всѣхъ среднихъ школъ, чтобы облегчить учащемуся сознательный выборъ направленія своего образованія, и наконецъ, даже раздаются голоса за продленіе гимназическаго курса въ видахъ достиженія большей зрѣлости.

Не дѣло общества разбирать, насколько цѣлесообразно каждое изъ такихъ предложеній; несомнѣнно, что всякое изъ нихъ имѣетъ свое „за“ и „противъ“, и всего вѣрнѣе можно судить объ этомъ людямъ, близко стоящимъ къ дѣлу. Зато у общества есть другого рода роль, даже обязанность, о которой почти позабывается за постоянными толками о томъ, о чемъ не можетъ имѣться въ обществѣ достаточно ясныхъ понятій. Пусть министерство беретъ на себя разработку и проведеніе всѣхъ этихъ намѣченныхъ вопросовъ: въ его рукахъ всѣ свѣдѣнія, всѣ факты нашей школьной жизни, опыты въ другихъ государствахъ, — значитъ, ему и книги въ руки, но мы, всѣ въ совокупности русскіе люди, затронутые до глубины души дѣломъ образованія нашихъ дѣтей, не останемся же въ сторонѣ отъ общей работы, а напротивъ, дружными усиліями поможемъ ея скорѣйшему и наилучшему окон-

чанію. Напрасно думаютъ, что отъ отдѣльныхъ лицъ ничего не зависитъ; такъ могутъ говорить лишь честолюбивые люди, съ большимъ самомнѣніемъ, обиженные, что „ихъ не спрашиваютъ“ въ государственныхъ дѣлахъ, а тотъ, кто хочетъ одного лишь блага, всегда найдетъ приложеніе своимъ силамъ.

Что же зависитъ отъ общества? — спросятъ меня. А вотъ что: внести въ школу, какова бы она ни была съ внѣшней стороны, то, что никакими программами, никакими циркулярами не регламентируется, да и не можетъ быть введено административнымъ путемъ; это — тотъ духъ школы, который всегда зависѣлъ *только отъ личностей* и безъ котораго школа остается лишь мертвымъ тѣломъ, пустыми казармами, назначенными для нѣкоторыхъ умственныхъ упражненій. Поддержите же школу, не со злобной критикой отнеситесь къ проводимымъ мѣрамъ, а съ живымъ сочувствіемъ слѣдя за ходомъ опыта, всей душой желая лучшаго исхода! Неужели же школа — не *наше* дѣло, не живое дѣло всякой семьи? Мнѣ скажутъ: теперешняя школа идетъ врозь съ семьей; она отнимаетъ у семьи всего ребенка и возвращаетъ его уже чужимъ ей, изуродованнымъ. Пусть правда это, но вѣдь тѣмъ энергичнѣе должны мы искать пути избѣжать этого зла, тѣмъ больше работы семьѣ, чтобы защитить дѣтей отъ губельнаго вліянія недостатковъ школы. И лучшія семьи дѣлаютъ такъ, стараются смягчить, оправдать въ глазахъ дѣтей плохихъ учителей, несправедливое отношеніе и т. д. Но многіе ли дѣлаютъ такъ? Не чаще ли приходится слышать, какъ дѣтямъ отовсюду говорятъ, какъ ихъ учителя плохи, что порядки никуда не годны, что ихъ не учатъ, а лишь мучаютъ и т. д. Естественно, что

уже со II класса мальчикъ привыкаетъ смотрѣть на учителей и на все начальство какъ на что-то прямо враждебное ему, и всѣми силами старается итти противъ нихъ, гдѣ только можно. Вотъ этотъ коренной разладъ между учащими и учащимися, между школой и семьей трудно искоренить административными мѣрами, трудно потому, что это не входитъ въ рамки регламентируемыхъ условій, а въ каждый отдѣльный моментъ зависитъ отъ личнаго настроенія.

Ненормальность такого положенія дѣла и надо уничтожить; а это въ равной степени лежитъ и на государствѣ и на обществѣ, и даже болѣе, пожалуй, на обществѣ, потому что здѣсь дѣло именно въ самой глубинѣ, въ самомъ духѣ отношенія къ школѣ и учителю; дѣло же правительства дать форму, въ которой можетъ проявиться это сочувственное движеніе, найти приложеніе пробудившимся общественнымъ силамъ. А онѣ уже пробуждаются: дѣятельность Н. Н. Неплюева и С. А. Рачинскаго на поприщѣ народнаго образованія и воспитанія указываетъ намъ на эту свѣтлую зарю „лучшаго будущаго“; нужны только люди для того же дѣла и въ другихъ слояхъ нашего общества, нужно тѣ же принципы *національнаго релігіозно-нравственнаго воспитанія* провести и въ наше среднее образованіе, которое служить фундаментомъ для всего будущаго общества. И я вѣрю твердо, что есть такіе люди, которые ищутъ безкорыстнаго приложенія своихъ знаній и силъ къ истинно добродѣлю; но мы теперь такъ извѣрились во все, такъ привыкли всякую идею, всякую новую мысль очернить сперва подозрѣніями, изъязвить самымъ ѣдкимъ скептицизмомъ, что слишкомъ трудно намъ уже подняться до непосредственнаго чувствованія чистаго порыва души.

Мы слышимъ: „Вотъ дѣйствительно чистая душа, всю жизнь свою посвятившая безкорыстному, святому дѣлу!“ — и вотъ вмѣсто непосредственнаго добраго, хорошаго чувства къ такому человѣку, въ насъ начинается сложная, пристальная работа подкапыванія подъ эту свѣтлую личность, отыскиванія мельчайшихъ темныхъ точекъ въ его дѣятельности, въ особенности, если есть что-нибудь лично насъ задѣвающее, что можетъ служить личнымъ укоромъ гдѣ-то въ глубинѣ души. И вся эта работа кончается часто тѣмъ, что уцѣпившись за найденныя мелочи, частности, мы и все цѣлое явленіе, представляемое данною личностью, готовы извратить, свести подъ общій уровень шаблонныхъ побужденій; этимъ мы получаемъ для себя какъ бы право остаться индифферентными, пройти съ закрытыми глазами мимо того, кто громко зоветъ насъ. Сильный человѣкъ выдержитъ такое отношеніе къ себѣ; въ себѣ самомъ найдетъ онъ и силу и опору для жизни, соотвѣтствующей его пониманію; но сколько остается болѣе слабыхъ людей, горячо желающихъ принести и свои слабыя силы на утвержденіе добра въ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ сознающихъ съ горечью свою слабость, свое безсиліе въ борьбѣ съ окружающей рутинной и безжизненностью. Если обратиться въ частности къ нашему вопросу, сколько искренно любящихъ и дѣтей и свое дѣло учителей можно найти гдѣ-нибудь въ глуши нашей Россіи! Да, именно въ глуши, потому что имъ нѣтъ возможности быть на виду теперь.

Я помню одного учителя изъ времени моего пребыванія въ одной московской гимназіи. Въ V классѣ назначили намъ новаго преподавателя по древнимъ языкамъ, откуда-то изъ провинціи. Это былъ уже очень пожилой человѣкъ;

съ первыхъ же уроковъ мы всѣ почувствовали въ немъ что-то непохожее на другихъ учителей. Урокъ онъ понималъ не какъ извѣстное число строкъ и параграфовъ изъ грамматики или изъ Анабазиса, а какъ живое общеніе съ учениками; онъ старался отъ мертваго языка перейти къ живой рѣчи, указать на дѣйствительную жизнь; бывали минуты, когда всѣ мы, забывъ грамматики, забывъ чужіе уроки, которые всегда готовились въ его часы, слушали напряженно, когда онъ съ увлеченіемъ говорилъ о міровоззрѣніи древнихъ грековъ, объ ихъ величіи и упадкѣ, объ истинномъ и великомъ въ человѣчествѣ. Но это были только рѣдкія минуты: оживившійся, увлекшійся учитель случайно замѣчалъ возню и смѣхъ подъ однимъ изъ столовъ — и сразу взглядъ его потухалъ; оборвавъ на полусловѣ свою рѣчь, онъ устало опускалъ сѣдую голову на руки; намъ всѣмъ какъ-то тяжело становилось, даже сами шалуны притихали. Пройдетъ минуты двѣ — учитель вызываетъ кого-нибудь отвѣчать урокъ; все снова оживаетъ, поднимаются опять разговоры, достаются книги, готовятся чужіе уроки, и только по усталому лицу учителя видно, чего стоили ему эти минуты. А у насъ если и оставалось въ глубинѣ какая-нибудь горечь, то живо сглаживалась суетливостью учебнаго дня. Но случалось, что классъ раздѣлялся на двѣ партіи: одна нападала на другую за нахальное, безцеремонное злоупотребленіе добротой и снисходительностью этого учителя, но сама была слишкомъ слаба, неустойчива и могла иногда только живо чувствовать, какія глубокія раны шумный распущенный классъ наносилъ чуткой душѣ идеалиста. Я забыть не могу тѣхъ минутъ и того лица, съ которымъ на одномъ